

18+

Рауфа Кариева

Антикровное

Рауфа Кариева

Антикровное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48427860

SelfPub; 2019

Аннотация

Тяжелые чувства одолевают человека, когда он не ладит с родственниками. Эта тема изучалась мной в трилогии «Антикровность». Здесь опубликована первая часть под названием «Антикровное». Это повествование о моих трудных отношениях с родной сестрой. Больно. Страшно. Но надо смириться.

Содержание

Шахло	5
Французские духи «Клима»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Есть у меня воспоминания, о которых стыдно рассказывать. Но проработать их надо. Чтобы освободить душу от негативных переживаний. И эти воспоминания об отношениях с самыми близкими, единокровными родственниками – родителями и сестрами. Очень страшно, что у меня есть такая боль – плохие отношения с родными людьми. Изменить ничего нельзя. Но хотя бы облегчить душу можно и нужно.

Предмет моей неиссякаемой зависти – когда у людей есть род, клан, семья. Это – родители, братья, сестры, дяди, тети и т.п. И у всех нормальные отношения. Все друг друга любят и уважают. Вместе собираются на праздники, помогают друг другу в случае необходимости. Не подают друг на друга в суд, не проклинают друг друга, и не говорят про своих родных гадости. Завидую – мне это не суждено.

Шахло

«Шахло» – это узбекское имя. Оно означает «красивые глаза». Так звали мою младшую сестру. Она моложе меня на 4 года.

У меня есть очень ранние воспоминания о своей сестре Шахло.

Еще до ее рождения, я помню одну картинку. Главный корпус университета в Душанбе, левые ворота. Это потом, в поздние времена там располагались книжные киоски, зеленые насаждения. А я помню время, когда там располагались бараки. В которых квартировали преподаватели университета, в том числе и мой папа с семьей – женой и мной, его первенцем.

Бараки в моем родном городе – это небольшие одноэтажные домики, которые боковыми стенами прикреплялись к таким же домикам соседей справа и слева. Такие домики лепились по несколько штук – по 10, не меньше. Такими постройками 50-х годов был заполнен весь город, даже центр. Некоторые такие домики-бараки сохранялись, даже когда я была уже взрослая, рядом с телеграфом, главпочтамтом, 1-й поликлиникой и напротив магазина «Фототовары».

Так вот, во дворе главного корпуса университета, мы жили в таком бараке, в третьем или четвертом по счету от ворот.

У каждого домика был маленький дворик – примерно 3 на 3 метра. Выглядел он как палисадник, но он не был засажен растениями. Там обычно развешивали постиранное белье.

Вот так выглядит моя первая картинка в памяти – этот крошечный дворик-палисадник, дверь в комнату-квартирку открыта, а посередине дворика стоит табурет, на нем огромный таз, и в нем стирает белье молодая женщина. Я предполагаю, что это моя мама. По всей видимости, на дворе весна. Светит яркое солнце, но не жарко. Значит – не лето. Рядом с женщиной, вдоль заборчиков бродит малышка. Кажется, у нее в руках яблоко. Малышка очень мала – года два, не больше. Я предполагаю, что это я. Ребенок одет в теплое платье, кажется фланелевое. Но нет на ребенке ни кофточки, ни курточки. Значит, точно не зима.

Вторым моим воспоминанием является такое. Картинка: пустая квартира, в которой пахнет краской, а на полу везде древесная стружка. Уже позднее я поняла, что это была та квартира, которую родители получили от университета, когда у них родился второй ребенок, сбоку здания межфака, по улице Островского. Напротив правых ворот Зеленого базара.

Так вот, в этой пустой квартире, в первой комнате (там было две большие смежные комнаты), посередине стоит стул – тип венский, коричневый – то есть перекрашенный. На стуле сидит та же женщина, что и стирала во дворике барака. То есть моя мама. На руках у женщины младенец, и женщина кормит ребенка грудью. Если этот ребенок родителей толь-

ко родился, значит мне примерно 4–4,5 года. Рядом с мамой стоит табурет, а на нем стоит жестяной поднос. Этот поднос потом долго еще проживал на нашей кухне, хотя весьма облупился. В момент кормления младенца поднос был еще новехонький. Он был покрашен черной краской, а посередине был нарисован огромный красочный цветок. По типу Жостово. На этом подносе стояла рюмка. А в рюмке было молоко. Потом я поняла, что это было сцеженное молоко, грудное. Мама всегда перед кормлением ребенка первую порцию молока сцеживала в рюмочку. Это я наблюдала и когда родилась моя самая младшая сестра, которая моложе меня на 15 лет.

Второе мое воспоминание в жизни, таким образом, это воспоминание о моей сестре Шахло.

Следующим воспоминанием о моей сестре Шахло является движущаяся картинка необычного содержания. Комната в нашей квартире. Огромный круглый стол, покрытый белой скатертью. Эта скатерть была в комплекте с занавесками в этой же комнате, и они представляли собой произведение искусства – так осталось в моей памяти. Это было сукно отбеленное, а по краям была вышивка – сложная и многовариантная. Тут была и цветная гладь – диковинные райские цветы, ажурные обрамления, вывязанные тончайшим крючком, ришелье, мережка и прочие виды вышивки. Это была настолько искусно выполненная работа, что она осталась в моей памяти, как образец рукоделия.

В детстве я была уверена, что это все это роскошество со-творила моя мама в молодости, в качестве собственного при-даного. Потому что было видно, что вышивка именно руч-ная, а не машинная. Это я поняла, даже несмотря на юный возраст. Однако, в более позднее время, будучи взрослой, я узнала, что это была не мамина работа. Выяснила я это так. Мама отдала мне платье своей самой младшей дочери, чтобы я надевала его на свою дочь. Платье было добротным, немец-ким. Однако я обратила внимание, что снизу, в области по-дола, находился какой-то колтун из ткани и ниток. Будто бы что-то специально напутали. Я спросила у мамы, что это за колтун, или нагромождение ткани и ниток на хорошем пла-тье. Мама ответила, что это она когда-то пыталась своей до-чери пришить оторвавший подол платьяца. Это – ее швейное творчество. Я была потрясена. Мама объяснила «качество» своей швейной работы так: «я не умею даже нитку в иголку вдеть, не то, что подол платья подшить».

Я была в шоке. Во-первых, от того, что женщина не уме-ет обращаться с ниткой и иголкой, во-вторых, что мама – а это было единственный раз в жизни – призналась, что она чего-то не умеет, во всем остальном, везде и всегда, «она была стопроцентно права, и вообще, была истиной в послед-ней инстанции». И в-третьих – моим удивлением было то, что человек не умеет даже подшить подол, хотя ее мать, то есть моя бабушка, была первоклассной портнихой, а все три дочери моей мамы – были нормальными, почти искусными

портнихами, и каждой из дочерей мама подарила в приданое по роскошной швейной машине.

Мама погасила мое удивление так – бабушка не хотела обучать дочь швейному мастерству, говорила: иди, стирай и дои корову. И потому мама поставила себе важнейшей жизненной задачей – своих дочерей обязательно научить шить. И она эту задачу выполнила.

После диалога насчет шитья я поняла, что ту скатерть и занавески из моего детства вышивала точно не мама. А с чего же я взяла, что мама? Может, бабушка? В те времена купить такие вещи было невозможно!

Однако, вернемся к воспоминаниям о Шахло. Мама стояла у стола, покрытом той знаменитой вышитой скатертью. Она держала ребенка. Я думаю, что это была моя сестра.

Ножками ребенок упирался в стол. Потом мама поставила ребенка на стол. И ребенок сделал некоторые еще неуверенные шаги. Примерно, судя по походке ребенка, ему было 9–11 месяцев. На ребенке была распашонка, а трусиков не было. Мама поддерживала ребенка и водила его по столу. Я наблюдала на уровне своего роста, как скатерть сминалась под голыми ступнями ребенка, когда он делал неуверенные шаги. Вдруг ребенок присел на корточки и внезапно накакал.

По своему росту, процесс накакивания на белую роскошную скатерть, я наблюдала напрямую, в соответствии с уровнем глаз, по росту своему – в пятилетнем-то возрасте. Я была шокирована и возмущена. И запомнила этот вопиющий

факт на всю жизнь. Такая роскошная скатерть на столе – и вдруг огромная коричневая кака!

В последующие времена воспоминания о сестре всегда у меня ассоциируются с родительским гневом. Я была ребенком неуклюжим и непоседливым. И всегда будила младенца. Его только уложат спать, а я обязательно что-то уроню, или сама упаду, или еще какие-то шумы сотворю. И меня всегда ругали. От холеричного по темпераменту ребенка, то есть меня, требовали соблюдения тишины и неподвижности – это было абсолютно невозможно!

Но я не помню, что факт перманентного родительского раздражения я как-то проецировала на сестру. Однако позднее, в пионерском детстве, я злилась на факт существования своей сестры, потому что она ограничивала мои возможности, например, в пионерском лагере. Меня ставили куда-то дежурить вместе с ней, а она была помощницей никудышной. Так, мы с ней в пионерском лагере Алмазы, во время игры в «Красное знамя», охраняли знамя отряда. Но на нас с тыла напали неприятели – несколько мальчишек из другого отряда. И я одна не смогла знамя защитить. Сестра моя была по складу характера абсолютным меланхоликом, очень вялой и малоподвижной. Я отчаянно сопротивлялась, но силы были не равны, и знамя наше неприятель похитил. Потом весь наш отряд объявил мне бойкот. От расстройств я заболела, попала в изолятор. Были вызваны родители, они меня забрали из лагеря и положили в больницу.

Конечно, я злилась на младшую сестру за то, что она не была бойцом, и не могла мне помогать в моих делах. И вместо победы в пионерской игре, я попала в больницу.

Далее, в течение жизни, я краем души понимала, что мы с сестрой абсолютно разные люди, почти как жители разных планет. Однако я не осознавала, что это – повод к неистовой ненависти. А как выяснилось позднее, сестра меня всю жизнь люто ненавидела.

Не сказать, что так же люто ее ненавидела я. Таких ярких чувств я не испытывала – ненависть, тем более лютая – не было такого никогда. Сегодня я могу утверждать, что я испытываю к ней жалость. Но жалость эта не сопровождается порывами помогать, понимать, общаться и так далее. Наоборот, лейтмотив моих остатков чувств к сестре – вычеркнуть ее из своей жизни.

Впервые, похожее на полный разрыв отношений решение я приняла 24 года назад – ну, что не хочу вообще общаться со своей сестрой Шахло. Еще через 15 лет после этого, я укрепилась в этом своем убеждении. А пять лет назад я сделала окончательный печальный вывод – сестринской дружбы и любви не существует в принципе. Сестры – это не родня. Сестры – это всего лишь дополнительные яйцеклетки матери. Так как у нас общие родители, то какие-то клетки, биология и анатомия у нас схожи. Но это – все. В остальном и самом главном – мы совершенно чужие, инородные существа.

Эти страшные выводы я сделала пять лет назад. Но при-

шла к ним нелегко. Шла – долго. Как – читайте далее.

Французские духи «Клима»

Нет ничего на свете, у чего нет причины.

Даже если мы причину не знаем, или не можем найти, то причина все равно существует.

И тот факт, который до сих пор остается фактом, что моя сестра Шахло меня ненавидит, и ненавидела всю жизнь, говорит о существовании причины. Причина этого – само собой, разумеется – имеется.

На протяжении последних 25 лет я, временами вспомнив про свою сестру Шахло, и про ее ненависть ко мне, пыталась продумать, вспомнить, понять причину этого. Но каждый раз, после размышлений и воспоминаний, я никаких причин не обнаруживала – конкретных, и быстро отвлекалась на текущие дела. И про свою сестру забывала. И так до следующего воспоминания. Каждый раз при этом в конце своих размышлений, как бы подводя итог, я делала один и тот же самокритичный вывод: если ненавидят меня, значит причина во мне. Но вывод этот не развивался далее.

Мы с Шахло провели вместе долгое и хорошее детство – с ее рождения в 1962 году и до ее замужества и переезда в другой город в 1986 году. Это добрых 24 года. Прожитых с сестрой под одной крышей, за одним столом, в одной ком-

нате на соседних кроватях.

В эти годы, особенно, когда мы уже были взрослыми, какой-то особой дружбы, взаимопонимания, доверительности, теплоты – у нас не было. Однако и не было открытой вражды, борьбы, войн, драк. Никогда сестра не проявляла ко мне открытой неприязни (а оказывается, она ее испытывала!). С моей стороны также никогда не проявлялось открытой агрессии. Так я ее и не испытывала! В моем сердце никогда не было неприязни, а тем более, ненависти к Шахло. Да, непонимание, раздражение, чувство обузы – это было. Но быстро проходило. Даже наоборот, я часто сестру жалела, как жалею ее и по сей день, несмотря на то, что я этого человека навсегда вычеркнула из своей жизни.

Возможно, дело в разности нашего с сестрой восприятия мира. Я, как холерик, быстро могла переключиться на другие впечатления, и забыть об инциденте. А сестра, как яркий представитель черного меланхолического сообщества (по типу темперамента), могла месяцами пережевывать одну и ту же обиду. Скорее всего, Шахло воспринимала разные ситуации иначе, чем я, и потому постоянно укреплялась ее негативная оценка моих поступков, оформлялось чувство ненависти, подпитывалось тлеющее с детства враждебное ко мне отношение. А я эти ситуации и не помню! Потому и не могу найти причины сестриной ненависти!

Я ни в коем случае не считаю, что всегда и во всем была права. Я далека от того, чтобы представлять себя ангелопо-

добным существом. Скорее всего, своими поступками, словами, резкостью, я ненависть сестры все же заслужила. Но это не значит, что я собираюсь оправдывать ее ко мне отношение в последующей жизни, искать оправдание ее поступкам по отношению ко мне, и тем более – искать точки соприкосновения. Нет, ни в коем случае. Все будет – как есть. Анализ же наших отношений я провожу исключительно в рамках общего анализа прожитой мною жизни. Не более.

Я вспоминаю некоторые эпизоды отношений с сестрой, достаточно пикантные и неоднозначные. Но даже их я вспоминаю скорее в комичном плане, чем как основание для ненависти. Самое большое, что я могла сделать плохого в отношении сестры, это посмеяться над ее «закидонами» в разговорах по душам со своей подружкой. Всё. А «закидоны» – так я называла поведение своей сестры – были. Вот, например, один из них.

1981 или 1982 год. Тогда были очень модны французские духи «Клима». Они продавались в кубической коробочке темно-голубого цвета, и были мечтой каждой девушки. Стоили они 40 рублей – немало по тем временам.

Так получилось, что эти духи одновременно появились и у меня, и у сестры. Только мне их подарил поклонник, а сестра их купила на стипендию.

Похвалились мы друг перед другом этим чудесным приобретением – сказочно роскошными духами, а сестра вдруг предложила: «Давай не будем открывать сразу две баночки

духов, ведь они могут и выветриться, и испортиться. Давай, сначала откроем твою баночку, поставим ее в такое место, чтобы удобно было пользоваться обеим. А когда эта баночка закончится, тогда откроем вторую».

Я сочла предложение сестры разумным и согласилась.

Прошло время. Духи закончились. Я вспомнила про уговор и сказала сестре: «Доставай вторую баночку духов, первая закончилась».

А сестра мне сказала: «Нет. Ты, скорее всего, истратила на себя больше духов, чем я. Ты всегда всего больше тратишь – и туши для ресниц, и лака для ногтей – руки у тебя большие. К тому же тебе духи достались задарма, в подарок. Так что мои духи останутся только мне».

От неожиданного поворота событий я даже не сообразила, что ответить. Я только пожаловалась матери, ведь поступок сестры по моему тимуровскому разумению был нечестным, заранее лживым. В моем понимании, нельзя нарушать данное слово, договор, уговор, это все равно, что предать человека. Но мама, выслушав меня, сказала следующее: «Шахло права. Она – разумный, аккуратный, бережливый человек. А ты – транжира, неряха и дура. Если ты поверила и повелась, значит, ты дура. И что сестра тебя обманула – правильно. Дур надо обманывать».

На мамины слова у меня вообще не нашлось ответа.

И что я сделала? Я проникла в комнату сестры, нашла спрятанные запечатанные духи, открыла их, пошла в ван-

ную, и вылила ровно половину духов в раковину. Остальные духи вернула сестре.

Вот так, по-экстремистски, я восстановила справедливость.

Разумеется, мой поступок не мог не отпечататься в сердце моей экономной, аккуратной и бережливой сестры, как дополнительный киловатт ненависти ко мне. Но я сочла такой поступок правильным, справедливым, и считаю так по сегодняшней день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.